

- Neklyudov, S.Yu. (1984), "On some aspects of the study of folklore motives", in Putilov, B.N. (ed.), *Fol'klor i etnografiya. U etnograficheskikh istokov fol'klornykh syuzhetov i obrazov* [Folklore and ethnography. At the ethnographic origins of folklore plots and images], Nauka, Leningrad, Russia, pp. 221–229.
- Neklyudov, S.Yu. (2004), "Motive and text", in Tolstaya, S.M. (ed.), *Yazyk kul'tury: Semantika i pragmatika. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya akademika Nikity Il'icha Tolstogo* [Language of culture. Semantics and pragmatics. For 80th birthday of academician Nikita Ilyich Tolstoy], Indrik, Moscow, Russia, pp. 236–247.
- Silant'ev, I.V. (1999), *Teoriya motiva v otechestvennom literaturovedenii i fol'kloristike. Oчерk istoriografii* [Motive theory in Russian literary criticism and folklore studies. Essay on historiography], IDMI, Novosibirsk, Russia.
- Silant'ev, I.V. (2004), *Poetika motiva* [The poetics of motive], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia.

Елена Е. Левкиевская

*Российский государственный гуманитарный университет,  
Москва, Россия, elena\_levka@mail.ru*

Вопросов, которые хотелось бы задать Сергею Юрьевичу, достаточно много, и они касаются самых разных сторон существования современной фольклористики и сопредельных с ней дисциплин, занимающихся традицией и повседневной, «наивной» картиной мира. Нуждаются в обсуждении как сугубо научные аспекты, связанные с развитием методологии и терминологии, так и более общие проблемы бытия современного гуманитарного сообщества (в дееспособности которого у меня в последнее время появляется все больше сомнений). Однако жанр вопросов к юбиляру, предложенный редакцией журнала, очевидно, предполагает не только сами вопросы, но и некоторые (хотя бы краткие) размышления о них самого вопрошающего. Поскольку круг злободневных вопросов, нуждающихся в обсуждении, тянет на обширное эссе, не предусмотренное форматом журнала, я бы хотела остановиться на одном из наиболее насущных, связанном с целеполаганием самой фольклористики и ее осмыслением границ собственного объекта исследования, выбора методологического аппарата и вектора будущего развития.

Меня как филолога (в старом, классическом смысле этого слова, включающем все разновидности «науки о слове») и линг-

виста по базовому образованию, всю жизнь работавшую на стыке лингвистики и фольклористики, в последние годы все больше беспокоит вопрос о перспективах отечественной филологии (и фольклористики как ее составной части) как самостоятельной дисциплины, обладающей достаточным внутренним потенциалом для того, чтобы задавать свою «повестку дня» в науке, отстаивать право на собственное поле деятельности и вырабатывать новые методы, адекватные стоящим перед ней научным задачам, непосредственно вытекающим из ее развития.

Формирование будущих научных целей на каждом этапе развития любой дисциплины во многом зависит от того, в какой степени актуальное научное поколение готово (или не готово) наследовать потенциал, наработанный предыдущими поколениями, на какие смысловые доминанты, сформированные на предыдущих этапах, и прецедентные имена опирается и какие задачи, поставленные, но не решенные (или не доведенные до конца) предшествующими поколениями ученых, считает для себя необходимым решить или, наоборот, отбросить как ненужные и неактуальные. Разумеется, наука далеко не всегда развивается строго поступательно. Можно привести десятки примеров, когда выбор принципиально иного ракурса исследования, методологический сдвиг, скачок, отказ двигаться по «старой колее» приводили к возникновению новых направлений и благотворно стимулировали развитие всей дисциплины в целом. В качестве примера можно указать хотя бы на обстоятельства возникновения теории прагматики текста в 50-х гг. XX в., когда Джон Остин осознанно в противовес классическому изучению грамматики языка сделал приоритетным объектом исследования повседневную разговорную речь и обстоятельства ее порождения. Такое изменение ракурса позитивно повлияло на последующую судьбу не только лингвистики, но и на методы всех гуманитарных дисциплин, включая фольклористику.

Но можно привести не меньше примеров, когда декларативный разрыв с прошлым этапом развития приводил науку если не к регрессу, то к значительному снижению интеллектуального потенциала научной отрасли, к ее стагнации, к размыванию ее границ и самого объекта исследования. Здесь можно вспомнить более чем сомнительный опыт существования советской фольклористики в рамках литературоведения, надолго лишивший ее и собственного терминологического аппарата, и собственной методологии, и осознания специфики традиционной культуры по сравнению с литературным текстом. Печальные последствия подхода к традиции как к «устному народному творчеству» мы ощущаем до сих пор. Этот опыт особенно печален еще и потому, что начало XX в. было отме-

чено целым рядом перспективных разработок (вспомним хотя бы идеи ретроспекции Д.К. Зеленина и его планы системного описания мифологии), неосуществленная реализация которых позволила бы уже в первой половине XX в. решить те задачи, к исполнению которых худо-бедно приступили лишь в 60–80-х годах. Почему же в одних случаях отказ принять наследие прошлого научного этапа оказывается плодотворным и необходимым, а в других приводит к неудаче? Очевидно, потому, что в первом случае он продиктован *внутренней* логикой развития самой науки и, хотя и выглядит внешне как «отказ от наследия», в самом деле является не отказом, а инвестированием принятого наследия в новые научные ресурсы. Во втором же случае отказ от наследия является именно отказом. Он продиктован *внешними*, экстранаучными причинами и, прежде всего, идеологией, не только формирующей представления о ценностях и приоритетах в тематике и проблематике, но и диктующей условия финансирования угодных и неугодных научных проектов. Немалую роль в этом играет и слом образовательной системы, когда она вместо систематического знания, начинает поставлять некий информационный бриколаж. Именно эти причины, на мой взгляд, в 20–30-х гг. прошлого века привели к «потере лица» не только фольклористикой, но и некоторыми другими гуманитарными дисциплинами. Не повторяется ли та же ситуация столетие спустя (с учетом другой идеологической схемы, разумеется)?

У наблюдающего современный научный процесс «изнутри» складывается впечатление, что он в значительной степени представляет собой именно отказ от преемственности, переформатирование границ гуманитарных дисциплин и методологических инструментов, выбор собственных приоритетных задач и одновременно полное равнодушие к тому, что проблемы, находившиеся на «повестке дня» тридцать–сорок лет назад, так и не получили окончательного решения (во многом в силу социальных катаклизмов). И здесь возникает вопрос: а каковы факторы, влияющие на выбор современных научных приоритетов? Можно ли считать, что круг приоритетных проблем и предлагаемых методов для их решения задается исключительно логикой внутреннего развития самой науки? Или же «повестка дня» диктуется и навязывается извне (например, международными научными фондами, выделяющими или не выделяющими деньги на грантовые заявки), формируя в научной среде понятие «модной», «престижной», актуальной тематики? И как влияет на научный процесс новый, раздробленный формат высшего образования, почти не позволяющий сформировать специалиста с целостным знанием в области изучаемой дисциплины?

В последнее десятилетие стало модным говорить о неких «поворотах» (ср., например, растиражированное понятие «антропологического поворота»). Поворот предполагает наличие пути как метафорического обозначения развития науки в целом и отдельного исследователя в частности. О науке как о пути, выбираемом ученым, и самом ученом как путнике почти тридцать лет назад очень точно написал В.Н. Топоров по поводу другого юбилея. Он размышлял об ученом как о путнике, который осознанно готовится к пути и вступает на него не только с надеждами, но и с чувством высокой ответственности, включающей верность выбранному пути [Топоров 1993, с. 3–4]. Безусловно, путь ученого в науке, как и путь самой науки, предполагает наличие поворотов, открывающих новые перспективы. Хорошо, когда поворот осознается как логическое продолжение предыдущего этапа пути, а не отвержение и забвение прошлого участка дороги. Плохо, когда сам путь подменяется сплошными поворотами. Возникает впечатление, что в последнее время поворот становится самодостаточной модной темой, обесмысливающей и цель научного развития, и его предшествующие этапы. Это заставляет вспомнить старый советский анекдот об армянском радио, которое спрашивают, почему Советский Союз до сих пор не пришел к коммунизму. Армянское радио отвечает: «Потому что каждый шаг Советского Союза поворотный». В связи с этим возникает вопрос: куда может прийти наука, каждый шаг которой – поворотный?

### *Литература*

Топоров 1993 – Топоров В.Н. К семидесятилетию Н.И. Толстого // *Philologia slavica: K 70-letiyu akad. N.I. Tolstogo* / Отв. ред. В.Н. Топоров. М.: Наука, 1993. С. 3–6.

### *References*

Toporov, V.N. (1993), “To the seventieth birthday of N.I. Tolstoy”, in Toporov, V.N. (ed.), *Philologia slavica: K 70-letiyu akad. N.I. Tolstogo* [*Philologia slavica. To the 70<sup>th</sup> anniversary of acad. N.I. Tolstoy*], Nauka, Moscow, Russia, pp. 3–6.